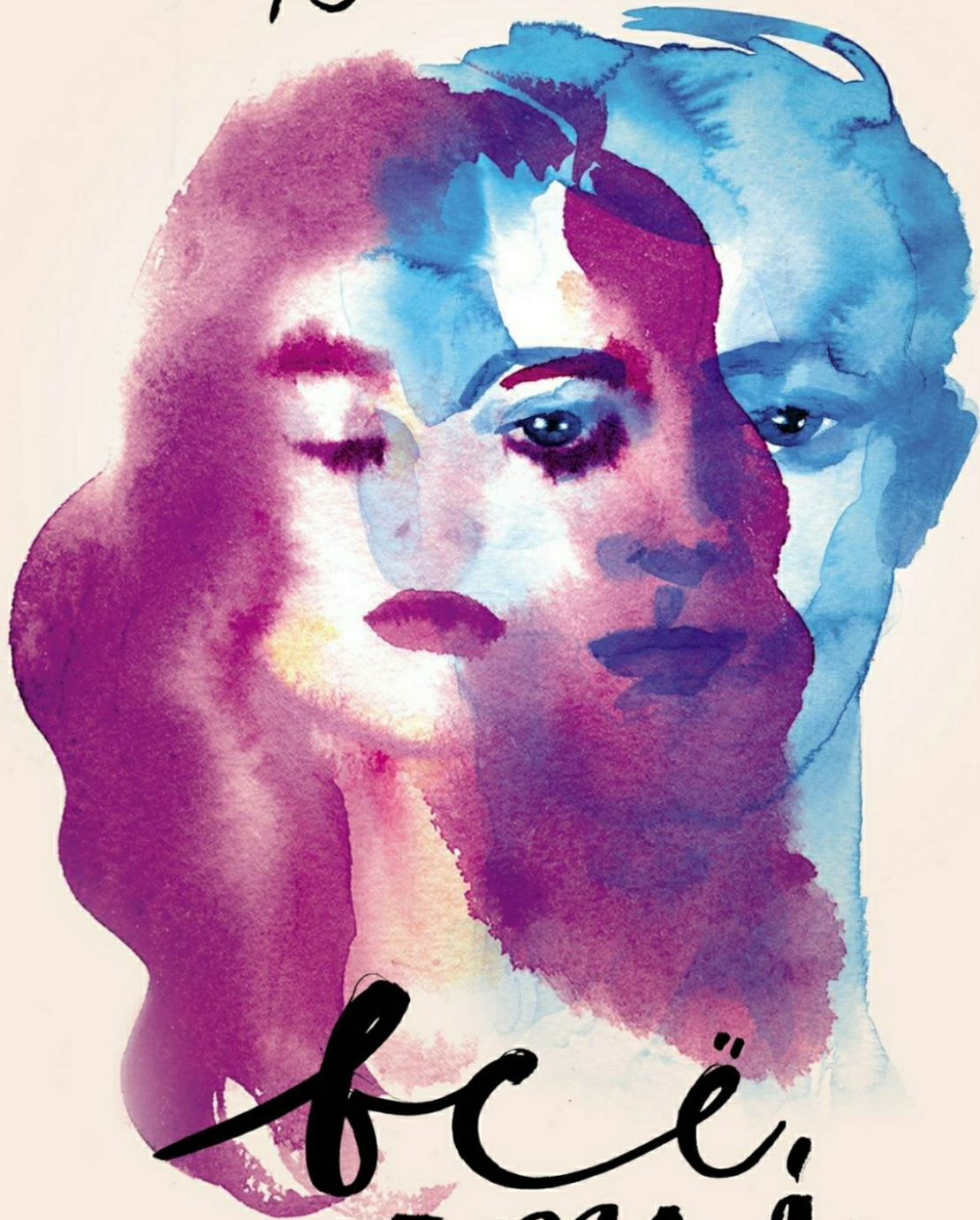

Снежана
Войтечко

всё,
что я
знаю
о любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Снежана Войтенко

Всё, что я знаю о любви

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Войтенко С. В.

Всё, что я знаю о любви / С. В. Войтенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Успешный предприниматель Даниил Грейс может позволить себе любой каприз - всё, что можно купить за деньги. Вскоре у него возникает вопрос: “Чем заниматься дальше человеку, который блестяще решил задачу выживания?” Даниил обращается за помощью к Петровне - редкому специалисту “по развитию”. После встречи с ней он решает, что теперь ему одна дорога - жить творчеством, становиться художником, завоевывая славу и бессмертие, удивлять мир шедеврами современного искусства... Но достаточно ли только амбиций, чтоб явить нечто ценное человечеству и найти отклик в сердцах людей? Может, нужно что-то еще? Что? Содержит нецензурную брань.

И сотворил Бог человека по образу
Своему по образу Божьему сотворил его;
мужчину и женщину сотворил их.

Первая книга Моисея «Бытие»
глава I, стих 27

Деньги не появились. Они обрушились плотным тяжелым потоком на голову, и сразу всё перетасовалось – дамы, короли, шестерки, тузы, а я, словно Джокер, в игре и вне ее одновременно.

За считанные недели Харьков превратился в город открытых настежь дверей. Рестораны, клубы, закрытые вечеринки, даже общественные и социальные организации стали присылать приглашения на свои до судорог скучные мероприятия. В большинстве увеселительных заведений у меня появился кредит, хотя, казалось бы, для чего человеку, способному заплатить в ресторане сразу за всех посетителей, возможность не платить даже за себя? Я не слишком размышлял над подобными тонкостями, а принял новый мир таким, каков он есть.

В новом мире вместе с деньгами появился Голос. Теперь мое слово обладало силой нотариально заверенного документа. Не зря говорят – вначале было слово. Тот, кто впервые произнес это, знал жизнь. И не был беден.

Открытые двери – сразу вход и выход. В скором времени, не выдержав вечных сквозняков проходного двора нашей жизни, ушла жена, оставив длинное письмо на обеденном столе. Я его прочел, отсканировал и вывесил на стене в блоге. А что? Отличный образец, пример всем последующим: как можно меня любить, как ненавидеть. Забегая вперед, скажу: потом были еще письма от разных женщин, но все словно под копирку. Может, они читали мой блог?

Ресторанная еда развлекала совсем недолго, через полгода я мог бы легко подрабатывать гидом в гастрономических турах по Харькову. На покупку одежды уходило еще меньше времени. Выбирал первый же магазин с понравившейся витриной, не озадачиваясь поиском, просил продавцов собрать подходящий комплект. После все «расходники» – носки, трусы, рубашки (набор на каждый день) велел множить на семь, чтобы вообще не заморачиваться. Покупки занимали не больше двух с половиной часов.

Съездил в Европу, Австралию, Америку, прокатился в Турцию, Египет, Тайланд – поездки меня утомляли. Для путешествий с удовольствием нужно быть открытым пустым сосудом, который можно медленно наполнять местными достопримечательностями. Я же оказался заполнен под завязку – собственной значимостью, деньгами, высокомерием человека, одним прыжком покорившего Олимп.

Главным развлечением, которое вызывало азарт, требовало денег, времени, вносило в ежедневную жизнь разнообразие, – стали женщины и никогда не надоедавшая мне игра «в любовь». Без этой игры общаться с женщинами гораздо скучнее, чем выбирать одежду.

С каждой новенькой я исполнял обязательную программу: презентовал длинный рассказ о себе – одиночке, искателе божественной любви, прозрачно намекая, что, кажется, сейчас, после нашей встречи, поиск окончен. Дальше следовала неделя-другая на самый лучший харьковский кофе. Легко кружил бы дольше, только дамы отчего-то уже на втором свидании высказывали из трусиков, мне стоило больших усилий держать их в конфетно-букетных рамках. Не умеют все-таки растягивать удовольствие, наслаждаться предвкушением не умеют. Все скорей, скорей, скорей, замуж давай, замуж. Дуры.

С очередной фартовой раздачей прилетела двойка «К» – «Кайен», Кристина.

Я хотел Кристи. Кристи хотела «Кайен» и не хотела замуж. Отличное начало. Она прилагалась к машине как фирменный логотип, гарантируя спокойствие, вселяя абсолютную уверенность, что пока я верчу кайеновский руль, не нужно беспокоиться, где Кристина. Она рядом.

Двадцатилетняя красотка. Брюнетка с длинными ногами, высокой грудью и чувственным ртом. Немного крупновата – большая ладонь, размер ножки не девчачий. Зато видная за версту. Единственная дочь провинциальной бляди и мотающего срок за сроком туберкулезника.

Я часто задавался вопросом: как случаются такие красивые люди на социальном дне? И каждый раз приходил к выводу – красота не принадлежит человеку, а потому надсоциальна. Ей всё равно, где быть. Случайно прорастая в самых непотребных местах, живет вечно. И если счастливый обладатель вдруг гасит божественную искру, она не погибает, скорей, находит выход, перетекая жизненной влагой в новый побег.

Любуясь Кристи, легко представлял ее родителей, тех, кем они были чуть больше двадцати лет назад: юная женщина, сверх меры наделенная даром давать, и молодой мужчина, прекрасный в своей жажде, силе, азарте. Листая страницу за страницей повесть их жизни, я видел, как в первой главе женский талант оказывался разменян на медяки легкой выпивки, кровати с мятыми простынями, жадную ласку чужих рук. Мужская линия звучала не менее драматично – всегда готовый броситься в схватку с миром бесстрашный герой, проиграл всего лишь одну битву – с собой.

Полноводные быстрые реки, что бурлили в каждом из них, в какой-то момент слились, явив миру небесный цветок – Кристину. Пользуясь шансом продолжаться вечно, красота предъявила родителям непосильный счет – покинув этих людей навсегда.

У матери Кристи забрала все качества желанной женщины – они воплотились в ее теле. Если бы я вознамерился изобразить богиню, олицетворяющую собой мои сексуальные мечты, это была бы Кристи. От папы в наследство девочка получила «тюремный» набор: редкий цинизм, бесстрашие, тяжелый настороженный взгляд человека, повидавшего жизнь со страшной изнанки, и готовность в любой момент отвоевать место на нарах. Идеальное дитя своих родителей.

С появлением Кристи другие женщины никуда не делись, но между нами появился фильтр. Теперь доступ к моему телу строго регламентировался. Я не возражал, отпала необходимость лишних трат: ни тебе кофе, ни рассказов о божественной любви. Дамы, отобранные Кристиной, одинаково красивые, с ледяными алчущими глазами, даже не особо озадачивались, кто их ебёт. Зная демонический характер Кристи, можно сразу отбрасывать в сторону затею «о выгодном сожительстве» как невыполнимую, и заняться делами насущными: скрупулезным пересчетом «палок» в купюры и обратно.

В шутку я теперь называл свое женское окружение: «Кристи Плюс».

К тому времени моя персона густо обросла свитой, что шлейфом тащила за мной из заведения в заведение, редая к ночи, вновь уплотняясь к обеду. Вскоре чувство принадлежности к породе завладело настолько, что, казалось, стоит чуть-чуть напрячься, и вспомню родословную, начиная от кого-нибудь из Габсбургов, Рюриковичей или конунгов рода Харальда Прекрасноволосого. За деньги, думаю, можно было бы организовать и это, но мне нравятся простые пути: купил длинную, в пол, бровровую шубу и, не прошло и месяца, как весь город знал мою фамилию – Грейс.

Даниил Витальевич Грейс – значилось от рождения во всех государственных бумагах. Дэн Грейс – звучало для своих.

Привет,

имя я приобрела случайно. В начале января снежный буран накрыл с головой маленький город: ветер метался вдоль дорог, страшно злился, искал поздних прохожих, найдя, наотмашь хлестал по щекам, швыряя вдогонку белые крошки; гнул деревья, срывал провода, разгоняясь в безумии до предельных земных скоростей. Вытянутой руки не видно, только ледяной кипящий кисель.

Может быть, мама долго смотрела на улицу в ожидании отца, замороженная пляской шаманки-зимы, прижимала к горячей, отяжелевшей груди маленький сверток, внимательно всматривалась то в окно, то в меня. Домой из роддома меня привезли Снежаной.

Первое воспоминание – Солнце. Яркое, слепящее, прямо в глаза, и только потом – звуки, запахи, приглушенное звяканье посуды за закрытой дверью, мамин голос: «Доченька, вставай».

Воспоминание о солнце тонкое, прочное – капроновая нить, на которую легко нанизать все истории моей жизни, как разноцветные бусины.

Первая.

Первая и единственная. Принцесса. Даже не помню, были ли зимы. Только солнце. Бело-брысая девчонка в желтом сарафане с утенком на груди – мама вязала. Были ли люди, которые не любили меня тогда – не знаю. Я их не знаю.

Еще молодой, но в глазах трехлетки, совсем старый, сосед дедушка Митя с балкона пятого этажа на нитке спускает привязанную шоколадку.

– Мальчики, отойдите, не прыгайте, я и так с вами поделюсь! – на полном серьезе пытаюсь командовать мальчишками, самому младшему из которых я по плечо.

Высокий Ромка хватается шоколадку первым и убегает, дед Митя с балкона грозит пальцем: «Ну-к, отдай, стервец, выйду – уши надеру!». А я рыдаю на весь двор.

Дед Митя умер в пятый по счету день моего рождения. В нашей «двушке», разгоряченная праздничным событием, ватага дворовых детей хватала с большого блюда именинный пирог, усиливая тишину в квартире за соседней дверью, с завешенным простыней зеркалом в прихожей. И больше никаких шоколадок на нитке.

Идем с мамой в магазин покупать чешки для занятий танцами, катимся с горы прямо на попе. Снег пушистый, теплый, даже слегка горячий, обжигает щеки, шею, забираясь под туго закрученный шарф. Город, словно новогодняя елка, мигает огоньками, как гирлянда. Я восхищаюсь огромными сияющими звездами, что лежат прямо на кронах деревьев. Через несколько лет это будет одним из первых больших разочарований – огромные звезды окажутся уличными фонарями, и настоящие звезды не выдержат конкуренции.

Обязательная музыкалка, прежде обожаемое, потом ненавистное фортепиано. Лимон в большой кадке у окна. Отец по утрам встречает улыбкой:

– А кто тут к нам с мамой приполз?

– Это я, Снежка, доча твоя!

– Ты не доча, ты заяц ушастый!

– Нет! Нет! Я доча! – так весело доказывать отцу, что я его дочь, и вовсе никакой не заяц.

Бабушка заглядывает в комнату: «Хватит баловства, завтракать вставайте!»

Бабуля только делает вид, что сердится, никто её не боится. Еще полминуты, пока дверь в кухню не закроется, слышно ворчание: «Вначале скачут, потом плачут!»

Мы с папой еле сдерживаем смех, я не выдерживаю, хихикаю ему в шею: «Фу, ты колючий!», и обнимаю, крепко-крепко.

Он так и не смог полюбить меня другой – принять взрослой, такой же свободной. Мама тоже это знала. В день похорон отца, в маленькой часовне на кладбище, подошла ко мне со словами: «Он любил тебя, сильно, просто никогда не говорил это».

Вот она, формула нелюбви: он любил тебя, сильно, просто никогда...

Что еще тебе рассказать?

Твоя С.

Пока я наслаждался новой жизнью, всем тем, что могут дать деньги, производство росло, первоначальные вложения умножились в несколько раз. Вернул долг отцу – много больше, с процентами, которые значительно превышали тело небольшого, «поддержать идею», кредита.

Теперь все – еда, одежда, жилье, путешествия, женщины, – все падало в руки совершенно без усилий, изо дня в день, изо дня в день.

В то время меня стало посещать странное видение – будто жизнь моя началась на высокой горе, такой высокой, что весь мир расстелился у ног, а я постоял на вершине, огляделся, вдохнул холодящего душу воздуха, расставил руки в стороны и, не страшась, побежал вниз. В любой момент времени, стоило прикрыть глаза, тут же оказывался наверху, каждый раз испытывая детский восторг – в предвкушении, задыхаясь от счастья и смеха, делал шаг.

По сравнению с этим чувством все остальное меркло, казалось пресным и не живым. Именно тогда появился вопрос: можно ли купить радость? С каждым исполненным желанием радость становилась все более дефицитным товаром.

Не отставая от меня ни на шаг, чуть слышно цокая копытами, волочился за мною, как тень, мой дьявол – скука. Чувствуя затылком его присутствие, хотелось, спугнув мелюзгу, крикнуть: «Мне скучно, Бес!». Но даже такой перформанс выглядел унылым плагиатом. И я страдал, не понимая:

– Где живет Радость? Скажи?! Откуда это богатство у людей?

Мой демон, мельком взглянув на любую затею, не дав ей расцвести, наполнить смыслом жизнь, цедил на опережение:

– Ску-ко-та.

Мой дьявол – скука.

Через пару лет день начинался с усилия, необходимого для того, чтоб обнаружить в себе хоть искру желания, которое помогло бы подняться с постели. Всё, чего я когда-то страстно желал, воплотилось, сбылось, или находилось на расстоянии вытянутой руки, и для этого не обязательно вылезать из-под одеяла. Можно, конечно, дальше играть в промышленника: развивать производство, вкладывать в него, создавать новые рабочие места, но предприятие затевалось исключительно с целью заработать денег на «чтоб хватало». Идея работать на нем никогда мне в голову не приходила.

Как варианты, я рассматривал постройку огромного дома, благотворительность или покупку чего-то невероятно дорогостоящего. Каждый раз спотыкаясь на простом вопросе: «Что это изменит?» У меня будет еда, одежда, жилье, путешествия и женщины – все то же самое, только на порядок дороже. Это ведь ничего не меняет. По сути.

Я был в плюсе, большом плюсе в мире внешнем, материальном, и в таком же большом минусе в мире внутреннем, душевном. Вялотекущая меланхолия трансформировалась в жесткий затяжной кризис. Теперь не только себе – никому в мире я не мог объяснить, зачем денег больше, чем необходимо? До этого момента я, конечно же, знал, что такое «кризис», но никогда не рассматривал его применительно к себе, да еще в паре со словом «душевный».

Раньше все силы уходили на выживание, закрепление позиций в социальной иерархии, на борьбу за место под Солнцем; что в это время было с душой – меня не интересовало. Но как только застолбил территорию, наполнил кладовые съестными припасами на несколько жизней вперед, голос души стал отчетливо слышен, и это, в общем, неплохо. Мне только не нравилось, что пела она исключительно грустные песни.

Бывают такие моменты, особенно в начале лета, когда вдруг кажется, будто мир хочет сказать тебе о чем-то важном, о чем-то таком, что пока невозможно понять, только чувствовать, как неясную тревогу. И ждать. В один из таких вечеров я сидел в респектабельном полумраке ресторана, утопая в диванных подушках, чувствовал приближение этого «чего-то». Какого-то непонятного случая, который все никак не случался. Коротая ожидание, ужинал в окружении свиты, из которых по именам помнил только Кристи и Джексона.

Если не ошибаюсь, Джексон был всего на пару лет младше меня по паспорту и младше на целую жизнь – по ощущениям. Он скорее был мне сын, которого я кормил, воспитывал, учил, время от времени прилюдно устраивая порку, чтоб понял жизнь. Два года назад он явился ко

мне по объявлению устраиваться на работу менеджером, но не прошло и двух недель, как он приступил к обязанностям, я предложил ему место управляющего.

Без нужной квалификации, имея за плечами опыт работы грузчиком, курьером и распространителем листовок, Джексон обладал удивительными, редкими качествами в современном мире: ясностью восприятия, способностью учиться до победного конца, до тех пор, пока не начнет получаться; преданностью учителю, и не влезающей ни в какие рамки честностью. Отсутствие специального образования сослужило ему добрую службу – избавило от выученных страхов и шаблонного мышления.

Я не ошибся: Джексон оказался на редкость толковым парнем. Ему искренне доставляли удовольствие все эти «расширение дилерской сети», «увеличение рынков сбыта», «оптимизация затрат на производство», «эффективная рекламная компания». Когда я заезжал с ревизией – взглянуть, как идут дела, – он водил меня из цеха в цех, восхищенно смотрел, как на инопланетянина, который прилетел с дружественным визитом на землю, но задерживаться не собирается. Джексону нравилось чувствовать себя самостоятельным. Понимая это, я проводил основную часть визита в скромном кабинете управляющего, в кресле для посетителей.

По приезду пару часов пил кофе, который шикарно готовила обученная мной секретарша – я подарил её Джексону при вступлении в должность. Так же великолепно она делала минет и вела документацию. Потом недолго бродил по цехам, для виду давал несколько хозяйских распоряжений, обязательно отменяя хотя бы одно распоряжение управляющего – порядку необходима пара: пряник и кнут. Иногда беседовал с рабочими о пользе содержания инструментов в порядке и быстро отчаливал в места поудобнее, с хорошей кухней, размышлять в уютном интерьере о пользе денег, небрежно сунув пухлый конверт с предметом философствования в задний карман брюк.

Обсуждать подобные темы с людьми, у которых денег нет, – скучно. Рассуждения банальны, желания примитивны, но говорить о другом не хотелось вообще. Официант принес шампанское, я обозначил вектор беседы: зачем людям деньги? Попросил представить, будто у каждого есть безлимитная банковская карта, и устроил конкурс рассказа – как ею интереснее распорядиться.

Кристи, как обычно, сразу купила «Кайен» – я всерьез задумался о подарке, ее энтузиазм все больше смахивал на кайенофилию. Джексон захотел много еды и женщин; каждый присутствующий здесь мужчина хотел собственный бизнес, а потом уже еды и женщин. Стол ломился от закусок, и я с трудом подавил желание заказать еще. Подумал, что если и мучает людей, сидящих за столом, голод, то это явление точно не сегодняшнего дня.

Тощий незнакомый парень в мешковатой желтой куртке придумал купить несколько квартир, сдавать в аренду, получая пассивный доход. Даже Кристи поняла абсурдность затеи:

– Ты что, не понял? У тебя уже есть пассивный доход – безлимитная карта!

Когда приехали в гостиницу, парня с нами не было. Не поехал. Может, обиделся на слова Кристи, может, на отсутствие у него безлимита.

Если у тебя есть деньги и свита, которая за счет этих денег живет, жизнь происходит как по нотам: ни с кем не нужно спорить, чего-то объяснять, достаточно взгляда или кивка головы – лучшее место уступают тебе, женщины сами приходят в твою постель, мужчины мгновенно признают альфа-самцом, в общем, всё, что пожелаешь. Правда, счет на оплату «праздника жизни» приносят тоже только тебе.

В гостинице мы выпили рома, выпили коньяка, шампанского, сварили в кипятке джакузи огромного омара, проиграли подругу Кристи в «камень, ножницы, бумага» – не помню кому, может быть, даже мне. Утром я обнаружил застрявший в тяжелой голове осколок ночного воспоминания: бешено скачущую наездницу.

После таблетки обезболивающего, чашки двойного эспрессо и выкуренной сигареты, подробностей добавилось – полночи добросовестная девица гарцевала на мне разными спосо-

бами в надежде – еще немного и я кончу. Напрасно. Кончить я не мог – был занят действительно важным, думал: «Зачем на мне прыгает юная женщина?» Зачем, Кристи? Зачем эти сытые пьяные тела, хором храпящие в шикарном, оплаченном мною «люксе»? Зачем? Неужели деньги нужны лишь для того, чтоб превращаться в животное и делать животными некоторое количество небрезгливых людей? Ведь ясно понимал, что не каждый готов за деньги лизать задницу.

Но, видимо, не напрасно выиграл наездницу – усилия не пропали даром, что-то в голове утряслось, переместилось, и полдень я встретил новой идеей переустройства мира. Своего мира.

Идея казалась проста, а потому гениальна. Я – Царь! Ну, ладно, не Царь – режиссер, а свита – театр. Кукольный театр. Послушные марионетки. Они и сейчас такие, но это прячется в тени наших отношений, на поверхности лежит декларация о свободе человека. Я же хотел поменять всё местами – декларировать несвободу, в которой основной идеей прозвучит свобода выбора.

До вечера обдумывал затею, чтоб за ужином объявить о принятом решении: я еду путешествовать. Кто хочет – может ко мне присоединиться, все оплачено и даже больше: участник экспедиции будет получать деньги на ежедневные расходы, условие одно – соблюдать простой сценарий: переодеться в костюмы, а все личные вещи оставить в Харькове, и главное – подчиняться роли беспрекословно.

Для мужчин я выбрал чёрные брюки, белую рубашку, бабочку и цилиндр, чёрный цилиндр – головной убор, в котором ходили джентльмены пару сотен лет назад. Для дам – белая рубашка, колготки в крупную сетку, туфли-стрипы, красный рот. И, что бы ни происходило в пути, помним – мы вместе до того момента, пока не вернёмся.

Импровизации, конечно же, будут, но эту часть я еще не додумал. Впереди почти тысяча километров пути – успею.

Кристи согласилась сразу. Подруга, бросив на нее вопросительный взгляд и получив в ответ едва заметное движение ресниц, тоже согласилась, плюс четверо мужчин. Итого – семь человек. Две машины. Один звонок в фирму по аренде машин – и через час два белых «Лэнд-крузера» ожидали окончания предварительной подготовки.

В «Мэтро», в отделе спецодежды для персонала гостиниц, я быстро наполнил костюмерную моего новенького театра. Цилиндры с бабочками купил у фирмы по прокату карнавальных костюмов, только туфли девочки выбрали сами. Неудобная обувь портит женщину больше, чем возраст и дрянные любовники, вместе взятые. Пока Кристи капризничала в обувном бутике торгового центра, я зашел в парфюмерный магазин напротив, купить упаковку алой помады. Без накрашенного кроваво-красного рта женщины меня не впечатляли. До сих пор не знаю действия эротичнее, чем возможность его стереть.

Через сутки мы выдвинулись в путь.

Пункт назначения – Крым.

Привет!

Пишу тебе, как только взлетели. Очень боюсь летать. Так боюсь, что словно каменею – замираю в кресле истуканом, даже расплакаться от страха, и то не могу. Пашка старается меня успокоить: советует разглядывать пассажиров в салоне, наблюдать воочию отсутствие страха – мол, групповая терапия должна подействовать. Я наблюдаю. Вид у всех, правда, невозмутимый, будто им что-то доподлинно известно о бессмертии. Ага. Старушка у иллюминатора крестится, торопливо шевелит губами. Молится? Надеюсь, просит за всех и ее слышат. Хочу, чтоб Господь дал мне хоть каплю мужества. Девять бесконечных часов. О Боже, ангелы небесные, скорее несите коньяк!

Летим над морем. Если падать в море, шанс выжить больше? Не думаю. Знаешь, я в детстве неудачно прыгнула с метровой вышки в бассейн, больно шлепнулась о воду животом. Столько лет прошло, а из-за того происшествия так и не научилась нырять «щучкой». До сих пор страшно. Интересно, от чего мы умрем? От ужаса – до удара самолетным брюхом о воду, в момент – от удара, или позже – захлебнемся, не найдя выхода?

Градус алкоголя во мне критический, но опьянения вообще не чувствую. Пью коньяк, как микстуру, только морщусь. Под нами что-то гористо-заснеженное. Вот интересно... Хотя нет, хватит, не интересно! А все же, будет ли больно?

До посадки сорок минут, и, если мы не разобьемся на посадочной полосе, если у нас откроются шасси, не отвалится хвост, не случится «все самое страшное», короче, вполне возможно, перелет удался. Чертова аэрофобия! Если бы не страх, я могла бы получить огромное удовольствие! Девять часов в иллюминаторе – всё, что я люблю: море, горы, облака... фантастические облака, звезды и божественно прекрасный закат солнца. Эх, если бы не страх! Могла бы целых девять часов чувствовать гордость за человечество – мир, смотри, кто еще так на земле умеет? Десять тысяч метров, одновременно триста человек, через весь континент, всего за девять часов! Это всё мы, люди!

О, божимой... Мы сели... Ура-а-а!

Началось действие алкоголя. Пашка, родной... Ох... Скорее, забери меня отсюда.

Обнима...

Длинная скучная дорога из Харькова в Крым. Две полосы не самого лучшего асфальта, зажатые коридором лесопосадок. Хуже только М-05, Киев–Одесса, с ее бескрайними сельскохозяйственными видами. Тысячи вспаханных-засеянных гектаров отвоеванного у Создателя холста, поставленные на службу ненасытной человеческой утробе. Возможно, по таким дорогам интересно лететь, вдавив акселератор в пол, загоняя до пены у рта подкапотных лошадей. Не люблю. Мне нравится двигаться медленно, обозревая окрестности, сворачивать в проселки, часто останавливаться курить, пить кофе, вблизи глазеть на древние развалины или удачно собранную бензозаправку. Автострада М-18, Харьков – Симферополь, будто нарочно лишала удовольствия, позволяя водителю уснуть со скуки. Не понимаю, зачем строить такие унылые дороги. Если бы не уверенность, что лучше меня никто не водит машину, спокойно бы прилег бы спать на заднем сидении. И если б не Кристи.

Выглядела она шикарно: метр семьдесят пять плюс пятнадцатисантиметровые каблуки. Крупная сетка черных чулок на загорелых ногах, рубашка, еле прикрывающая высокую попу. Невозможно отвести взгляд. Вместо того, чтобы внимательно следить за дорогой и вовремя притормаживать на перекрестках, я все время хотел провалиться – хоть в вырез рубашки, хоть в глубину алого рта. Даже необходимость маневров при обгоне не стала поводом вернуть руку, что все время блуждала по Кристиным бедрам, на руль. Подруга ее, напротив, в новом образе не впечатляла, видимо, в отличие от Кристи, блядью была не по особенному строению души, скорее от скудоумия, оттого наряд делал ее пошлой, малоинтересной.

В последний момент перед отъездом к нам присоединился Вовочка. Я был не против, места в машинах хватало. Завсегдатай вечеринок с фуршетом, Вовочка промышлял массажем, в довесок к психологическим консультациям – основному, как значилось в визитках, виду деятельности. Его номер телефона частенько мелькал на бесплатных интернетовских досках объявлений – в разделах, безбожно топивших репутацию психолога-консультанта: «услуги для пар», «нежный друг для пожилой леди», «ищу госпожу».

Он был отличным партнером в любой групповухе. Когда мне становилось скучно трахаться, я переползал с кровати в кресло любоваться Вовочкиным лицом. Из него получился бы шикарный порноактер: отличного сложения, с крепким, всегда готовым к совокуплению, членом, звезда экрана ХХХ, без единой эмоции, только техника и поза.

Жизнь Вовочки была трудна: ему случалось спать на вокзалах, собирать со столиков уличных кафе недоеденную пищу; теплые месяцы он проводил, бродяжничая на побережье, и, если повезет, зиму встречал в сексуальном рабстве у очередной престарелой госпожи. Несмотря на полную горечи жизнь, я никогда не слышал от него нытья о несправедливости мироустройства. Проходимец, бродяга, он вызывал у меня странную смесь чувств – безразличности и уважения. Почти всё, что он делал, я мысленно сопровождал фразой: «Я б так не смог».

Примерно за год до поездки, не помню, по какому случаю, скорее от скуки, я купил фотоаппарат. Неделю поигрался, сделав пару тысяч снимков себя, и бросил, закинув в багажник. Именно там, во время очередного пикника, между ящиком шампанского и пакетами еды, его обнаружил Вовочка. Думаю, это был первый и последний раз, когда я видел его взволнованным. Он мгновенно забыл, зачем пришел, что ему здесь нужно, решительно сдвинул продуктовые кульки в стороны, и осторожно, словно высвобождая раненого друга из-под завалов, потянул ремень. Вероятно, затылком почувствовав мой заинтересованный взгляд, воровато оглянулся: «Можно?»

С этого момента в свите появился фотограф. Вначале любой вечеринки Вовочка подходил ко мне с одним и тем же вопросом: «Дэн, нужно поснимать?» Я неизменно отвечал: «Как хочешь, дружище», чтоб на следующий день получить пару сотен фотографий, каждая пятая из которых – шедевр. Особенно впечатляли портреты. Снимки выходили откровенные, шокирующие людей своей правдой. Поражало перевоплощение. Какая-нибудь элегантная дама в строгом платье, с кричаще-скромными бриллиантами в ушах, вдруг представляла публике неряшливой потаскушкой, а у смешливой нелепой девчонки с хайром на голове откуда-то брался королевский профиль и полный аристократизма взгляд.

Не задавая лишних вопросов, Вовочка переоделся, заняв место в моей машине. Без остановок доехали до Днепра. На выезде из города, возле первого кафе на окружной, я скомандовал: «Привал!». Красиво припарковались у самого входа. Девочки, подкрасив губки, вышли. Вслед за ними – мужчины в бабочках и цилиндрах. На вечер крайний столик у входа, единственный на тот момент свободный, стал центром заведения.

Привет,

ужасное произошло. Мои фантазии о большом уютном доме, под крышей которого живет целый род, облетели осенними листьями. Все, что росло, цвело, планировало плоды, – все сдохло. В общем, семья Пашки не приняла меня.

Холодная вежливость в честь нашего приезда на третий день обернулась грязным скандалом. Камни претензий, стрелы ядовитых слов, копья и пули – все шло в ход. Настоящий бой в тесном пространстве кухни: крики, взрывы, вопли раненых. Который раз убеждаюсь, как хрупок мир, как уязвим человек, как легко все разрушить! Обвинения просты: я им не нравлюсь, и от этого фундамента ввысь – ещё сотня этажей, криво нагроможденных один на другой.

Оставаться в доме я не могла. Хотя идти мне некуда, перелет обратно точно не переживу. Собрала чемодан и ушла. Брела тихонько по тёмной улице, вдоль домов, куда глаза глядят. Пашка ушел вслед за мной.

Ночь, круглосуточный киоск у забытой богом автобусной остановки, на асфальте – ядовито-желтое пятно, сделанное испуганным фонарем, замызганная скамейка, сонная продавщица, бутылка дешевого коньяка, шоколадка. Даже не чувствовала крепости – вода, а не коньяк. Поймали попутку, добрались до ближайшей гостиницы, залпом выпили еще одну. По моему, был секс, наверное, в качестве антистрессовой терапии, плохо помню. Может, и не было. Проснулись к обеду, решили ехать к морю, отдыхать. На мой взгляд, отличное похмельное решение. Много воды, солнце, горячие голые тела, морской бриз, вяленая рыбка и маленькая, всего 0,33, бутылочка ледяного пива, мне бы сейчас очень помогли восстановить душевное здоровье.

Знаешь, я тебе точно скажу: людей можно не любить просто так, ни за что, только оттого, что есть такое желание – не любить. Максимально исчерпывающий повод.

Напишу, как только приедем.

Твоя С.

Чумазый, уставший от лета Симферополь, засиженный беспокойным роем туристов. Въезжать в него лучше по железнодорожным путям. Колоритнее. Выйти из душного вагона, пройти сквозь триумфальную арку выбеленных колонн вокзала, все время выдыхая: «Уф, слава Богу, доехали». Отстоять очередь за билетом на троллейбус № 52, отчего-то поверив обещаниям зазывал: «Самый длинный троллейбусный маршрут Крыма». Почти даром, почти экскурсия. Почти... После – три часа преть в раскаленном троллейбусном нутре, обложившись со всех сторон детьми, старушками, чемоданами, руганью, – тащиться к морю. Выйти на конечной в Ялте, проклиная всех и вся, вдохнуть горячего, пахнущего йодом, воздуха, чтоб тут же, не отходя от остановки, выписать миру индульгенцию, сменив гнев на милость.

Так лучше, но не в этот раз.

Мы влетели в город с объездной. Ближе к центру вязкое настроение расплавленных улиц передалось всем. Сбросив скорость, я прижался вправо, с включенной «аварийкой» полз вдоль обочины, высматривая место ночлега. Три раза объехал центр по кругу, все глубже погружаясь в раздражение. В конце концов, часа через полтора, полпачки сигарет и двойного эспresso, мы припарковались у гостиницы в центре. Не раздеваясь, я рухнул на кровать прохладного необжитого «люкса». Перед тем, как закрыть дверь в спальню, запретил театру шуметь, входить ко мне и расходиться.

Деликатный гул кондиционера, полумрак, белоснежное постельное белье точно знали, что такое пять звезд; исправно выполняли миссию, каждым мгновением возвращая путнику потерянное в духоте человеческого состояние. Ко всему прочему, Интернет в гостинице оказался отменный: меньше чем через час я увлеченно рассматривал карту Крыма, планируя дальнейший маршрут. А там, как в сказке, направо пойдешь – коня потеряешь.

Можно начать с ЮБК, постепенно возвращаясь на западное побережье, тогда путешествие станет постепенным погружением в сон. Горные пейзажи, крутые гранитные склоны, обрывы с великолепными панорамами бескрайней морской глади, зеркальной чешуей отражающей солнце, до боли в глазах, будут сменяться на выгоревшие равнины, уходящие за горизонт песчаные пляжи с прибором нежным, как годовалый малыш, что все время ласково льнет к ногам. Или сделать наоборот – поднимать градус и высоту над уровнем моря, идти на Восток? Достичь кульминации в Ялте, перекурить в Коктебеле, чтобы по дороге домой смаковать послевкусию, чувствуя: не хватило, не хватило совсем капельку.

Ближе к ночи вышел в гостиную. В темноте, перед беззвучно включенным телевизором, застыла сонная компания. Я сунул Вовочке под нос смартфон: «Читай!».

– Этот год в «Республике Z» будет по-особенному ярким и фантастическим, – сдерживая зевоту, забубнил Вовочка, – Развлекательная программа – насыщенной и оригинальной. Более десятка сцен, тридцать баров и ресторанов, несколько сотен диджеев, два кинозала под открытым небом, три кайт-станции, масса странных архитектурных сооружений. Таковы масштабы праздника на ставшем традиционным месте под Поповкой, в Крыму. Мультивизу можно купить на весь сезон...

Не успел Вовочка договорить, я забрал телефон. Решено. Первый пункт нашего путешествия – Евпатория, село Поповка, фестиваль «Казантип».

Открытие фестиваля планировалось организаторами на четвертое августа, закрытие – одиннадцатого, но больше всего меня привлекало то, что намечалось после, «Марсианская неделя». Отчего-то я видел себя главным марсианином, не представляя, что именно это означает, но чувствовал – будет круто.

В ожидании «Казантипа», пару недель просидели в Евпатории. Большую часть времени валяясь в номере под кондиционером, реже – на городских пляжах. Обьедались ни с чем не сравнимыми крымскими чебуреками, сочными внутри, с тончайшим хрустящим тестом; усиливая впечатление хрупкой, медовой, посыпанной тертыми орехами, пахлавой, запивая шедевры местной кухни душистым чаем, чаще вином. Завтракали на заднем дворе синагоги Егия-Капай в небольшом кафе «Йоськин кот», угощаясь, само собой, кошерным – форшмак, кисло-сладкое мясо «Эсик-флейш», морковный цимес, полируя гастрономическое наслаждение ягодной наливкой – щедрым комплиментом от шеф-повара.

За две недели погружения в двух с половиной тысячелетнюю историю Евпатории, я набрал пару килограмм. Освоил навык неторопливой ходьбы, разговоров вполголоса, привык никуда не спешить, вкусно и с удовольствием есть, много спать. Однажды, сходя на экскурсию в мечеть Джума-хан-Джами, неожиданно для себя проникся нежной привязанностью к строгому аскетичному пространству, намоленному до дыры в небе, заложенному ханом Девлетом почти пятьсот лет назад. Приходил, подолгу сидел один в тишине. Возможно, знай хоть одну молитву, молился бы, хотя, наверное, нет, скорее б вопрошал: «Что сделать для тебя, Господь? Деньги есть».

В Поповку приехали за три дня до начала фестиваля. Заняли небольшой домик на берегу моря, недалеко от территории Республики, с балконом на втором этаже и уютной террасой во дворе. Со стороны пляжа забора не наблюдалось – видимо, песок диктовал свои правила безопасности или строительства сооружений, не важно, мне это особенно понравилось. Все еще находясь под впечатлением евпаторийской мечети, я легко впал в образ одинокого рыбака, что вечерами сидит в продавленном кресле, вглядываясь в сиреневую дымку на горизонте, засыпая под шелест волн. И никакой забор не омрачал моих фантазий.

День приезда плюс следующий день сидел на балконе, курил одну-за-одной, пил кофе, к вечеру меняя его на виски, что-то ел, не чувствуя вкуса, спал один, в томительном ожидании: когда же воскреснет настроение главнокомандующего странствующего балагана? Спутники, казалось, пропитались сиропом моей меланхолии. Мужчины целыми днями лениво играли в шахматы, девочки с раннего утра выползали на пляж, чтоб вернуться к обеду, смыть с себя соль, часок поспать, отдохнуть от отдыха, и снова вернуться на берег, в ласковые объятия заходящего Солнца.

Утром третьего дня, привычно заняв место на балконе, закурив первую сигарету, отчетливо понял: довольно хандры! Пора начинать веселье. Вовочка тотчас сбегал в ближайший магазин за шампанским. Через пару часов хозяин театра, Карабас-Барабас, сиял как новенький, командовал парадом, проверяя готовность артистов к выступлению. На смуглых лицах девочек вновь появился алый рот, мужчины надели бабочки, цилиндры. Возбужденная предстоящим променадом компания собиралась произвести неизгладимое впечатление на пестрый казантипский народ коллективным монохромом.

В день открытия с полудня тусили на фестивальной пляже, бродили вдоль берега, купались, томились в предвкушении ночи, наблюдая, как раскаленный огненный шар, еле-еле ворочаясь, ползет к горизонту. Бесконечно звучащая музыка скрашивала ожидание, задавала ритм движению, каждый шаг превращая в танец, наполняя смыслом пребывание в республике Z. Без музыки там делать нечего.

Мои артисты незаметно разбрелись кто куда, оставив меня в одиночестве. Даже Кристи после третьей «Голубой лагуны» ускакала на ближайшую сцену. Юное загорелое тело на высоких каблуках, сбросив рубашку, оставив костюмом лишь бусики-трусики, выскочило на сцену как черт из табакерки, и грациозно запрыгало под лучшую электронную музыку. Достойное внимания зрелище. Мужчины защелкали мобильными, силясь зафиксировать на съемные карты памяти неизгладимое впечатление. Разгоряченная алкоголем, ритмом, количеством жадных глаз, Кристи изящно позировала, подставляя взглядам лучшее. Я не стал

мешать. Отчалил бродить по пляжу, всё время фиксируя в толпе возле барных стоек знакомые «бабочки-цилиндры». Только пугливый Вовочка «дул на воду», не забывал о грядущей зиме. Прячась в тени гигантской белой инсталляции, усердно массировал широкие бока распластанной на песке заспиртованной «медузе», возрастной брюнетке с сиротливой отметиной на мощной поясице, татуировкой гнущего спинку котика.

Весь движ напрягал меня. Неумолкающий ни на минуту шум, как на вокзале: все вместе, но каждый своим поездом куда-то едет, кого-то ждет, а главный минус – полное растворение в толпе. Оставалось курить одну-за-одной и пьянствовать.

Спустя час на меня свалилась взмыленная, возбужденная Кристи, обмахиваясь веером из купюр: «Прикинь, суют бабло, как стриптизерше!», деловито подсчитала прибыль. Недалеко от нас, размахивая бутылкой «Абсолюта» вместо дубины, блуждал в трех декоративных пальмах здоровенный рыжий викинг. Время от времени обращаясь к небесам, выл трубным басом:

– Кри-иии! Ти гдье-ее? Кри-ииии!

Кристи проследила мой взгляд:

– Не обращай внимания, – небрежно поелозив в воздухе рукой, стерла викинга из нашей реальности, не забыв при этом подальше отползти в тень, – У него деньги кончились. Я сразу ушла.

– Кто бы сомневался, Кри-иии, – хмыкнул ей, передразнивая рыжего.

Пропустив мимо ушей иронию, возможно, просто не ошибаясь на свой счет, Кристи лизнула меня в щеку, муркнув:

– Дэн, спасибо, мне так здесь нравится!

Через несколько минут, выдержав положенную приличием паузу, умчалась в неизвестном направлении.

Огненный шар почти коснулся воды. Музыка стала тише, обозначая торжественность момента. По беззвучной команде тысячи воздушных шаров метнулись с берега в небо, покидая хозяев, унося с собой тысячи печалей, освобождая место для мечты. Ночь вступала в свои права.

«Горожане засыпают, просыпается мафия».

Возвещая открытие фестиваля, грянули фанфары, казантипский люд взвыл, на огромном экране начался обратный отсчет, словно заново в истории человечества стартовала в космос первая ракета. Три! Два! Один! Пуск! Накрывая вакханалию, с неба на головы людей расплавленным золотом потекли слова: «Говорит и показывает Главный Улучшатель Жизни казантипского народа! Первый Президент великой оранжевой республики Казантип – Никита Первый!»

Основатель фестиваля, Никита Маршунок, не был никаким улучшателем и президентом – слишком просто, слишком по-человечески. Никита Первый воистину был Бог – Солнце республики Казантип. Пока он стоял на сцене в костюме жреца-супергероя, у его ног плескалось неистовое людское море, преданные адепты порожденной им религии Z. И Дух Казантипа летал над головами. Разогретый парами огненной воды, солнцем, сексом, пронизывал сердца, соединяя тысячи человек в единый организм, в гигантского Голема, готового жить столько, сколько звучит музыка.

Блуждая весь день от сооружения к сооружению, я все время считал, не мог остановиться, проекторы, экраны, архитектурные постройки, подвоз воды, электричество, охрана, обслуживание территории, фейерверк, аппаратура, шары и прочее, прочее, прочее... В голове щелкали цифры, складываясь в затраты на проведение. Даже плата за вход не спасала положение. Столько денег у меня нет. Нет двадцати лет на подготовку, и зовут меня не Никита.

Можно ли родить явление, подобное Казантипу, в одиночку? Не думаю. Я точно знал: в проект вбухано без счета идей, трудо-часов, сил, денег других людей, но впечатляло больше всего не это, а то, что Никита Первый всё равно один. Один-единственный Главный Марсианин.

После приветствия я наконец-то разыскал Кристи. Возле бара она очаровательно хихикала, преувеличенно радуясь чему-то сказанному все тем же рыжим викингом, не замечая никого вокруг. Очевидно, ей удалось обнаружить что-то кроме наличных, или он вовремя пополнил казну. Его широкая веснушчатая лапа, обваренная докрасна кипятком полуденного солнца, то и дело, словно невзначай, сползала с талии Кристи, цепляла трусики, оттягивая край. Толстые сосиски-пальцы настырно отвоевывали миллиметр за миллиметром запретную до поры до времени территорию. Раз за разом Кристи понарошку спохватывалась, строила протокольную рожицу, хмурила бровки, шлепала по могучей волосатой груди ладошкой. Викинг тут же одергивал лапы, хохотал, заглушая рев прибоя, чтоб через минуту начать все заново.

Подруга Кристи в это время маялась рядом – ей, как всегда, доставались лишь объедки с Кристиного стола: широкий выбор коктейлей, которые новоявленный благодетель один за другим щедро выставлял на барную стойку. Она первая увидела меня, и, казалось, с облегчением покинула компанию. Мы вернулись в номер.

Если закрыть глаза, в постели женщины мало отличаются друг от друга. Когда она хоть сколько-то нежна, темпераментна и молода – разницы нет. Две руки, две груди, ноги, а между ними... в общем, ни у кого не поперек. Утром, не забрав деньги, оплаченные за трехнедельную аренду домика у моря в селе Поповка, мы уехали.

Две тысячи лет назад великий Цезарь сказал: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме». Грамотный был мужик.

Привет,

ехать «куда глаза глядят» оказалось гораздо интереснее, чем виделось вначале. Отчаяние легко менять на азарт, если покончить с нытьем. Сутки пути на юго-запад и лесные пейзажи средней полосы оборачиваются бескрайними, уходящими за горизонт, полями подсолнечника. Здррав загорелые рожицы к высокому ультрамариновому небу, с рассвета до заката молятся солнечные цветы своему идолу, преданно вращая головами по часовой стрелке, никому больше не кланяясь. Здравствуй, жовто-блакитна страна, Украина!

Дорога пустынна, узкая лента плохого асфальта разрезает поля. Жара, от которой не спасает кондиционер в машине. На многие километры не видно присутствия человека. И можно надумать всякое, если бы не подсолнухи, ведь кто-то им служит?

Дальше Крым, Южный берег.

Комната на третьем этаже небольшой гостиницы в Мисхоре. Балкон-терраса с видом на счастье. Легкий бриз колышет занавеску. На сонной воде – лунный свет. Море, как воздух, прозрачно. Кофе по дороге на пляж. Огромные крымские кедры. После дождя пахнет хвоей. Новая, по второму заходу, кожа. Многоэтажные облака. Волосы-пакля от соли. Набережная Ялты. Ползущие ввысь улочки-змейки. Канатный спуск с Ай-Петри, пещеры, дворцы, винные подвалы, яхты, лошади, сувениры, море, море, море...

До передозировки. До «а давай сегодня в кино!».

Яд от лекарства отличен лишь дозой.

Может, пора?

Собрали сумки, оставив пылиться на полках купленные сувениры, присели «на дорожку», запамятавав маршрут. Где мы живем? Куда нам уезжать? Веселая компания соседей по пляжу шумела о славном, родном им городе N. Туда? Почему бы нет? Я так устала ехать...

Никогда у меня не было возможности выбрать место жизни, руководствуясь только желанием. Подарок судьбы? Наверное. Редкий подарок. Разве большинство людей выбирает? Живут, где родился, женился, случилось наследство, поближе к родственникам. Мало кто позволяет себе «где хочешь». Специально я не хотела, так получилось.

Пятьсот пятьдесят километров пути и лето окончены, на въезде в новую жизнь – швейцар, корабельный якорь. Отличный символ. Бросай швартовый!

Нет худа без добра, скажи?

Славный город N... так себе, но что мне город? Все как везде, привыкну. Зато есть море. Пять часов на машине и вот он, берег самого черного моря на свете.

Говорят, здесь ранняя весна: в апреле цветет вишня, в мае жара поднимается к тридцати градусам. Мне это только предстоит узнать. С осенью уже знакомы. Ах, какая здесь осень, никак не расстаться! Долго-долго прощается, заглядывает солнечными пятнами в окна, дарит подарки – огромные виноградные гроздья, янтарные груши – чуть коснешься, сразу ешь, иначе она расплывается, истечет медом, трудяжки – осы мгновенно слетятся на пир.

В городе N женщины вкусно готовят – стараюсь не отставать, встаю ни свет ни заря спешу на ближайший базар «скупляться». Возвращаюсь домой, уравновешенная пудовыми пакетами, окрыленная впечатлением: «Красота – то какая!» В пакетах – райское изобилие: прохладная ко всему мирскому брынзочка в тени изумрудных кустов укропа. Любопытный лучок тянет перышки-усики, силясь взглянуть на мир. Домашние яйца, вполне возможно снесенные этим же утром, курочкой, что наконец-то нашла покой на дне сумки. Пупырчатые огурчики с еще не увядшим цветочком на мордочке, важные помидоры, хрустящий корочкой хлеб...

В шлепках на босу ногу шагаю тенистой аллеей – любимое дитя мироздания. Зависнув над макушками деревьев, солнце шагает со мной. Просвечивая сквозь густое кружево листьев, хохочет:

– Ах, Снежана, ты – мое Солнце!

Дома полдня провожу на кухне, в надежде разгадать тайну банок с консервами. Это важно: им здесь посвящают жизнь. Без устали мою, мельчу, варю, кручу, переворачиваю, укутываю, подглядываю, задрал уголок одеяла (не вздулись ли?); вытаскиваю, ставлю рядком, люблю, чтобы тут же начать заново кулинарную динамическую медитацию. Жизнь в городе N проста, я ей все время улыбаюсь.

Августовские воспоминания еще сильнее, чем прохлада сентябрьского утра. Внутри сладко-сладко, засахаренные крымские дни. Лето прошло, а я не поняла, не успела понять, продолжаю жить, как ни в чем не бывало, на полную громкость. И каждый день – единственный, словно последний, до позднего октября.

Твоя С.

На ялтинской набережной театр растворился в пестром круговороте таких же фриков: декоративных байкеров, фальшивых аристократов, ручных обезьянок, сонных игуан, белых голубей, окрашенных в розовое. С нами все время фотографировались какие-то люди – из той породы, что отдых у моря переживают, показывая друзьям фотографии. По тротуарам, вдоль городских пляжей, дефилировали толпы девиц качеством не ниже Кристи, в надежде отловить сачком для бабочек собственные «алые паруса», в идеале – владельца какой-нибудь многоэтажной гостиницы на первой линии. Но ужин в ресторане тоже рассматривался как улов, без проблем!

Я бродил среди отдыхающих – прелых, поджаренных на солнце мамок с капризными, вечно ноющими детьми, – глазами завидующими, загребущими руками, – сладкими грязными ладошками, без конца мусолящими сахарную вату. Уставших от жары и отдыха с семьей мужчин, хотящих пива и поссать, и чтоб счастливое семейство оставило в покое. Наблюдал за влюбленными на веки вечные парочками, что встретились вчера, всю ночь не спали и расстанутся завтра. Ялта крутилась вокруг калейдоскопом, каждым поворотом картонной трубы, каждым новым узором усиливая желание вращать быстрее. А я блуждал, неприкаянный, среди обгорелых носов, плеч, жадно горящих глаз, мне было пусто. Пусто до звенящей тишины во всем теле.

Ближе к вечеру поднялся ветер, волны рванули на набережную, к людям, разбиваясь в бессилии о волнорезы. Нестерпимо захотелось нырнуть в прохладное штормовое море – с тро-

туара, в одежде – надолго зависнуть под водой, чтобы захлебываясь, вынырнуть, жадно хватая ртом воздух. Или поднять паруса, отправиться навстречу штормам, вперед в неизведанное. В общем, не знаю, что там еще делают, чтобы снова захотеть жить.

На причале красовались белыми боками отполированные бурями яхты, ожидая романтиков с туго набитыми кошельками. Повинуясь мгновенному порыву, отправил Кристи выбрать любую из тех, что стояли вдоль набережной. Не дожидаясь, когда она вернется, пошел к палатке, где копченый к концу лета администратор, в распухшей от зноя, выгоревшей тетради вел учет морским прогулкам, сводя дебет с кредитом – возможности туристов с желаниями хозяев лодок. Я без Кристиного ответа знал, какой будет выбор, показывая администратору пальцем на самую большую яхту.

Узнав, чего я хочу, он оживился:

– Красотка «Висалия», отличный выбор! Вот ребята как раз ждут, сами не потянут. Их всего двое, парень с женой. А лодка здоровенная, пятнадцать человек свободно, а если потесниться, то все двадцать. На «выпускные», бывает...

Копченый застрочил как пулемет, я не слушал. Рассматривал парня. Высокий, спокойный, окультуренная щетина, неплохие дайверские часы, слегка затемненные очки, явно с диоптрией. Он, без претензии, прохладно смотрел на меня. Но что-то в его взгляде рождало странное чувство, будто он обладает чем-то, чего у меня нет и, возможно, никогда не будет. Я резко оборвал историю о «выпускных»:

– Да, не вопрос, возьмем. А жена у тебя красивая?

Очкарик без усилий выдержал взгляд, кивнул:

– Очень.

– Годится! – я зачем-то многозначительно ухмыльнулся, будто на что-то намекал, хотя искренне хотел провести время с кем-то еще, кроме свиты. И очкарик мне нравился. Но он уже отвернулся, что-то вполголоса объяснил администратору. Перед тем как уйти, пожелал всем приятного вечера.

Настроение провалилось с цокольного этажа в подвал. Что не так? Отчего этот чистенький рафинированный интеллигент готов заплатить лишнюю сумму, только чтоб не ехать со мной? Опасается за свою прекрасную женушку? Захотелось взглянуть на нее, раздобревшую на блинчиках, приправленных тихим нравом мужа, домохозяйку, однозначно стерву, которая перед тем, как лечь в супружескую кровать, на вдохе втягивая живот, спрашивает:

– Скажи честно, я стройная?

– Очень, – каждый раз кивает он, вспоминая, как в обеденный перерыв на работе трахал в туалетной кабинке коллегу-бухгалтершу. Я хотел, чтоб все было именно так. Даже пошел вслед за очкариком – убедиться, увидеть круглое самодовольное лицо его благоверной и успокоиться, но успел рассмотреть только черный бок отъезжающего «Аутлендера».

На следующий день, оседлав красотку «Висалию», с самого рання мы отправились в море. К вечеру содержимое наших желудков перекочевало за борт. Утро оказалось еще хуже, невозможно сделать даже глотка кофе. Театр попросил пощады. Не прошло и суток с начала морской прогулки, как мы швартовались на ялтинском причале.

Шел лишь второй месяц нашего путешествия, а мне уже осточертел крымский маршрут, впрочем, идея странствующего балагана тоже. Большую часть времени я видел себя экскурсоводом, обслуживающим малограмотных школьников, которые вместо того, чтоб внимать добром-вечному: смотреть исторические развалины, с наслаждением бродить в тишине музеев, художественных галерей, без конца просились в туалет, хотели кушать, пить, спать, много ссорились, жаловались друг на друга; а когда я повышал голос, чтоб восстановить порядок, обижались, лишая душевного покоя.

Безудержно хотелось каждому вlepить затрещину, накричать, хотелось застегнуть рубашку Кристи на все пуговицы, хотелось сделать хоть что-то, чтобы они перестали вести

себя как дешевые бляды, мечтающие стать добропорядочными гражданами, но идущие к цели по улице, освещенной красным. В каждом я видел достоинство, красоту, свет, видел, что он есть внутри, – наверняка, точно! Но только пытался его зафиксировать, ввести в правило, он, словно солнечный заяц, ускользал, растворяясь в сумерках межличностных отношений.

Наблюдать воочию, как за два с половиной месяца взрослые люди становятся детьми, – то еще кино про Бенджамина Баттона.

По факту, за свои деньги я получил не романтическое путешествие актерского табора, а личный детский сад, смешанную возрастную группу от 20 до 35 лет. Именно в этой поездке, раз и навсегда я вычеркнул из списка своих расходов благотворительность. Раньше искренне верил в то, что решенная задача выживания поможет человеку шагнуть в развитии куда-то дальше (правда, я и сам не понимал – куда?). Сейчас я знал наверняка: если начать опекать взрослого, здорового человека, это приведет только к одному – повороту времени вспять, к деградации. Взрослый снова станет ребенком – нелепым, ранимым внутри и достаточно потрепанным жизнью снаружи.

В первых числах сентября я объявил, что остался последний пункт нашего путешествия – Лисья бухта. Небольшой залив между Кара-Дагом и Меганомом, с диким песчаным пляжем у подножия горы Эчки-Даг. Я много слышал об этом месте от разных людей. Говорили, что именно там можно обрести свободу, а возможно, смысл, что со всех уголков страны туда съезжаются ищущие и нашедшие. Что любой фрик найдет там пристанище, будет принят, обласкан такими же чокнутыми. Следующим утром, после завтрака, мы выдвинулись в Коктебель.

Город встретил нас толпами народа, жарой, от которой плавилась камни, парным молоком вместо моря и звуками джаза, льющегося с огромной сцены посреди нудистского пляжа. Богемной, слегка надменной, атмосферой культурной избранности Коктебель напоминал Харьков, я еле удержался, чтобы не уехать домой сразу.

Вечером, с трудом отвоевав место в прибрежном кафе, заплатив за ужин тройную стоимость, играл со свитой в «общий совет»: спрашивал, не слушая ответов, и рассуждал, как лучше обосноваться в «Лиске». Для проживания на берегу нужны палатки, карематы, спальные мешки, горелки, продукты, вода. Необходимо принять решение: стоит ли экипироваться или можно обойтись меньшей кровью?

Ближе к ночи, когда размышления зашли в тупик, а «общий совет» вылакал ящик вина, откуда-то явился Вовочка. С видом кота, принесшего хозяину мышь, сообщил, что нашел некую даму, что готова принять нас в Курортном. До Лисьей бухты оттуда рукой подать.

– Да, подожди ты, лезешь со своим спамом! Где тебя носит? – я не сразу сообразил, о чем речь, а когда догнал, наградил, – Заказывай себе вина!

Ночевали в маленьком домике новой знакомой, под бесконечный скрип кровати в соседней комнате: хозяйка получала от Вовочки обещанные бонусы, вдобавок к щедро оплаченному мной гостеприимству.

Ранним утром с набережной Курортного свернули вправо, асфальт быстро кончился, уступив место пыльной тропинке. Вскоре закончилась и она. Мы шли по берегу моря, вернее, с трудом пробирались по камням. Туфли девочки несли в руках, чулки сняли, сломав весь художественный образ, а я даже не мог вслух разозлиться: по-другому там не пройти. Через полкилометра навстречу стали попадаться голые люди. И вмиг простая идея улучшила мне настроение: велел всем раздеться, оставив только бабочки на шее. Стало гораздо лучше. Минут через десять холмы расступились, и перед нами появилась Лиска, во всей своей натуральной красе.

Забитый под завязку загорелыми до африканского вида людьми, берег Лисьей бухты один в один повторял переполненный пляж любого курортного города – яблоку негде упасть. С одной разницей: здесь все были голые. В расслабленных позах люди, блаженные взглядом, лежали, сидели, ходили, ныряли. Я скомандовал: «Привал!». Отправил мужчин на разведку, а сам расположился на большом валуне, как на троне, где возле моих ног притулились девочки.

В десяти метрах от нас коптились на расстеленных покрывалах женщины – рыхлые, статные, с густой растительностью промеж ног и в подмышках. Вокруг них стайкой мошкары кружились дети. Они, то и дело бегали к воде плескаться, шныряли туда-сюда, я не мог сосчитать, сколько их было, но точно не меньше семи. Чумазые, нечесаные чертенята резвились в море, даже самые маленькие заплывали достаточно далеко. Казалось, в воде они чувствуют себя гораздо увереннее, чем на суше. На берегу мелкота по-хозяйски доила длинные неряшливые груди мамок, хватая жадными губами большие соски, успевая при этом шустро зыркать по сторонам озорными зенками. Было в этом натурализме что-то магически притягательное и отталкивающее одновременно.

В полдень я понял, что не буду покупать никаких палаток – не вижу смысла находиться здесь. Без одежды мой театр ничем не выделялся среди прочих, люди как люди. И место не то. Все здесь противоречило искусству в его прямом значении: не было искусственно создано. Здешние посетители хотели исключительно первозданного творчества: солнца, воды, земли, воздуха, плоти, признавая шедевры только одного автора – Природы.

До вечера мы провалялись на пляже. И весь день склон горы за спиной чем-то притягивал мой взгляд, чем-то неуловимо знакомым. Прошло несколько часов, прежде чем я понял: это ведь гора из моего видения – лысая, с выжженной травой, испещренная пыльными легкомысленными тропинками, покрытая неглубокими оврагами – именно там я стою на вершине! Меня тут же одолела затея: «Подняться!». Азарт, детское любопытство: «А вдруг? Вдруг там, на вершине, я встречу самого себя?»

– Возвращайтесь в Курортное, потом догоню! – отдал распоряжение свите, а сам пошел к тропе, что вела на гору.

Едва Солнце успело окунуть горячую макушку в прохладную воду, как ночь тут же пустилась со мной наперегонки, обогнав на полдороге.

Тропа, по-детски наивная при свете дня, в сумерках выглядела зловеще. Усыпанное звездными колючками небо сомкнулось над ней, образуя пасть – беззубую, чуть приоткрытую, оттого еще более страшную. Казалось, нужно не подниматься, а лезть в нору, как беспечная Алиса вслед за сумасшедшим кроликом. В раздумьях я сел на камень, не решаясь сделать шаг. Через час ветер поменялся, пригнал лохматую тучу, что быстро сожрала бледный месяц, закрыв тяжелыми распухшими боками звезды, отчего небо расплакалось мелким дождем. Стоять у подножия стало столько же неприятно, как страшно идти вперед по маршруту. Я пошел.

С каждым шагом мои легкие, удобные сандалии отчего-то тяжелели, я еле передвигал ноги. И – ужас... Даже не могу сказать, что его вызывало, но каждый шаг приносил с собой необъяснимый ужас. Тропа петляла, чахлые кусты костлявыми пальцами дотрагивались до меня, от их прикосновений я дрожал всем телом. Исчезли палатки внизу, стихли звуки, только тяжелое черное молчание за спиной едва дышало в затылок, поднимая дыбом волосы на всем теле. Страх стал непреодолимым, сделать хоть шаг – не важно, вперед или назад, стало невозможно. Присев на землю, я сжался, закрыв руками голову, не мигая смотрел на клочок земли под ногами, цепляясь за него, как за спасительную соломинку, что может удержать в реальности. Надеюсь на чудо.

Не помню, как долго сидел, и как получилось – то ли я поднял голову, то ли что-то услышал, лишь помню – увидел огромный рюкзак, что вот-вот, еще немного, и скроется в черной норе. Что есть сил закричал: «Помогите!».

Рюкзак стопорнулся в ветвях, развернулся передом. Тут же со всех сторон меня обступили люди. Подняли на ноги. Слышался чей-то добродушный бас: «Бывает, братишка, бывает!». Девичий тоненький голосок звонко передавал телеграммы всем остальным: «Накрыло мужчину тчк». Кто-то бухтел в ответ: «Аккуратнее с веществами нужно, я к примеру, никогда...» Конец фразы утоп в многоголосье. Мы куда-то шли, не скрывая радости, я смеялся в голос, невольно уводя от правды, утверждая версию «про вещества». По моим

ощущениям, шли все время вверх, но как-то вышли на пляж. Кругом горели костры, возле которых группами сидели аборигены – дикари, легкие на подъем люди. Мне наливали вино, подкладывали в тарелку печеные овощи, заботливо укутав пледом, двигали ближе к костру.

– Хочешь, ночуй у меня в доме, – откуда-то из-за спины прилетело предложение.

Оглянулся, в темноте не разглядел лица благодетеля, но, не раздумывая, принял ночевку в дар:

– Конечно хочу! Дружище, спасибо!

Допил вино и неуклюже отполз к обозначенному спальному месту. Не прошло минуты, я крепко спал.

Утром, ежась от холода, очнулся. Солнце еще не встало. В пяти шагах от меня, боясь спугнуть тишину сонного берега, замерло, едва дыша, море. Вокруг меня в легкой дымке тумана и еще не потухших костров валялись вперемешку спящие тела. «Домом» без окон и дверей, без стен и крыши, оказался туристический коврик, да натянутый между двух покосившихся палок, съехавший на бок тент. Почему это место несколько часов назад казалось мне надежным убежищем, что давало чувство безопасности? Не знаю.

Страх, парализовавший вчера, исчез, даже не мог вспомнить, почему он появился. Я поднялся. Нашел баклажку чистой воды, развел огонь, заварил чай. Молоденькая девушка, еще совсем девчонка, высунула заспанную мордочку из ближайшей палатки.

– И мне можно?

– Чего спрашиваешь, это же ваш чай.

Она тихонько хихикнула в ответ, передавая мне кружку:

– Я – Мэгги, а ты, помню, Дэн.

Через час, все время перескакивая с одного на другое, то и дело перебивая друг друга, мы травили крымские байки.

– Меня родители на все лето ссылали в пионерский лагерь, всегда в один и тот же, под Севастополем. Была пионеркой?

– Не-аа.

– Не важно, так вот наш отряд возили в пещеру к отшельнику. Говорю тебе – это нечто! Не знаю, что там с человеком происходит, но происходит. Он в маске был. Так им впечатлился – неделю спать не мог. Ну вот скажи, что там такого? В каменной пещере кроме досок вместо кровати ничего нет, сыро, холодно. До сих пор удивляюсь, что заставляет человека уйти в келью? На что он обменивает жизнь мирскую? Неужели там есть то, что стоит всех радостей?

Мэгги пожала плечами:

– Может быть, Бог?

Крестину послал, как только выехали за пределы Курортного. Я ей не папочка, вечное нытье: есть, пить, писать. Взрослая девочка, как-нибудь сама справится. А может, мне хотелось остаться с ним один на один, кто сейчас разберет? Я ехал с чувством, что взгляд, отражающий небо, должен быть только моим. Чтоб, не дай Бог, не расплескал, не моргнул, не отвлекся. С Кристи отвлечься легко – ноги, рот, глаза – дьявольский огонь. Орать до одури, драться, трахаться, жить, что бы с ней не делать, все одно – шторм, девять баллов. Горячо, очень горячо, от Лукавого. Святости нужна прохлада. Так мне виделось правильным.

Без лишних слов и придыханий Кристи забрала вещи из багажника. Не спеша обошла машину, красиво выгнув спинку, приблизила лицо к лобовому стеклу, секунд десять выжидающе сверлила взглядом. Я молчал в ответ, непреклонный в своем решении, отвечая льдом на огонь. Проиграв в гляделки, Кристи поцеловала средний палец, наградив меня воздушным «fuck», и первая же машина забрала ее с обочины. Еще бы! Ни один нормальный мужик не устоит при виде такой груди: крепкой, загорелой, ослепительной, в вырезе распахнутой до пояса белой рубашки.

Ну и пусть. Пусть катится ко всем чертям.

На следующей заправке сбежала подруга Кристи. Мужчин я выгнал сам, не дав денег на билет обратно. Доберутся до железнодорожных касс, а там вспомнят, сколько им лет.

Мне было наплевать на всех и вся, я спешил к отшельнику.

Ехал на встречу с Богом.

Привет,

здесь ужасный ноябрь. Бесконечным серым просом с дырявого мешка сыплет дождик, твердое низкое небо, а вместо земли – масло, жирная раскисшая глина. Липнет к подошве, нарастая огромным комом, как кандалы, – невозможно передвигаться.

Помещение для студии мы нашли, затеяли ремонт. И вновь ноябрь – представь, я разбила все зеркала. Как? Очень просто. Сидела в кабине грузовика, Пашка с рабочими выгружал мебель, вдруг зазвонил телефон, я думала, что-то срочное, открыла дверь. Раздался звон, горластые рабочие вмиг онемели, казалось, даже время, опешив, замерло. В сердцах швырнув перчатки в кучу осколков, Пашка сказал за всех:

– Снежана, ну ты, пиздец!

Я даже не извинилась:

– Паша, это всего лишь вещи! Купим другие!

Скажи, ну скажи, кто так ставит хрупкое, у двери?! Теперь утешаю себя, как могу, а на душе кошки скребут: плохая примета – разбитые зеркала, очень плохая.

Худший ноябрь.

Вчера собаку видела. Глаза печальные, лапа сломана. Скачет тихонечко на трех, заглядывает в лица, жалуется:

– Гляди, лапа сломана. Хреново...

А сегодня на трамвайной остановке пенсионерка, аккуратненькая такая – переминается с ноги на ногу, блуждает взглядом, выискивая глазами что-то, будто потерялась, и... скулит. Присмотрелась – действительно плачет, только без слез. Тихонько подвывает, а в руках платочек мнет. Я подошла:

– Стучилось что-то?

Она вздрогнула, вроде не ожидала, остановила на мне рассеянный взгляд:

– Да, у меня давно всё случилось...

Замолчала. Смотрю, а в глазах четко, крупными буквами: «Видишь, лапа сломана. Хреново...».

– Послушайте, – я не могу уйти, уйти больше, – чем Вам помочь?

Опять блуждающий взгляд:

– Иди, детка, иди, ты мне ничем не можешь.

Неловко постояла возле, и пошла. Но до сих пор вижу эти глаза, слышу подвывание, тихие звуки непонятного, большого несчастья.

Да не хочу я это чувствовать! Не могу! Не могу!

Обнять, обогреть, перебинтовать, дать денег, сказать доброе, или... такой осенью хочется смотреть на мир через оптический прицел, мгновенно жать на курок по команде: «Больно».

И спасать – спасать всех, кто со сломанной лапой!

Надеюсь, в ваших краях все гораздо наряднее.

Твоя С.

Пещера – тёмная, сырая, приятная после дневного зноя. Крохотная келья. Смиранный старец тихий, прозрачный, глубокий, будто омут...

Окрылённый образом прошлого, жал педаль акселератора в пол, пулей свистя по крымскому серпантину. Сбросил скорость только у подножья холма, припарковаться. Выскочил из

машины, взлетел по узкой захлавленной тропинке, не касаясь земли. Вначале совершенно не обращая внимания на кучи мусора, которого с каждым шагом становилось всё больше.

Внутри меня поджидал локальный Армагеддон в отдельно взятой пещере: нестерпимая вонь, разруха, всё живое давно покинуло эти места. Казалось, силы зла, учуяв святость, поспешили задуть божественный свет. Закидали битым стеклом, драными полиэтиленовыми пакетами, бумагой, утопили в блевоте и моче. Я бродил из кельи в келью, не желая верить в произошедшее. Надеялся на что-то, хотел закрыть глаза, а открыв, обнаружить другую картину. Но сколько бы раз ни замирал, затаив дыхание, прикрыв веки, чуда не происходило. Через полчаса, отравленного ядовитыми испарениями, со спазмами в желудке и пульсирующими висками, пещера выплюнула меня на свежий воздух. Полпачки сигарет, выкуренные одна за другой, кое-как привели в чувство.

До самого вечера, как безумец, я носился по окрестностям, приставая к первым встречным с вопросом: «Где найти людей, которые лет двадцать назад работали в пещерах?». В конце концов, мне дали адрес какой-то тётки – то ли бывшей главбухши, то ли администраторши, со словами: «Если кто-то знает что, то это она».

Аккуратно обитую затертым дерматином дверь на первом этаже двухэтажного барака открывает немолодая женщина, своей потертостью очень схожая с дверью. Ничего не объясняя, не представляясь, я прошу:

– Скажите, пожалуйста, где сейчас монах, который жил в пещере? Мне очень важно найти...

Меряя меня подозрительным взглядом, женщина медлит, что-то прикидывая в уме, тихо приказывает: «Ждите на улице», – хлопает перед носом дверью. Успеваю выкурить оставшиеся в пачке сигареты, когда она, озираясь по сторонам, завернутая в плед, выходит во двор. Сходу бросая в меня первый камень:

– Послушайте, нет никаких монахов. Не было никогда.

Длинная пауза. Я безуспешно пытаюсь сглотнуть застрявший в горле булыжник. Администраторша делает за меня вдох, без предупреждения швыряя в лицо горсть мокрого песка:

– Сторож наш был, Михалыч, пьянь последняя. А директору жалко. Дружили они со школы. У Михалыча жена родами померла, а ребеночек на второй день. Вот и не выгонял. Подработку придумал – школьников развлекать, изображать пещерного отшельника. Так ведь детям куда интересней, чем каменные стены рассматривать.

– Вранье все, – плюю песком, обрывая дурную историю, – Я видел его глаза.

– Да-да, пустые такие, – главбухша усмехается чему-то своему, закидывает удочку в глубины памяти, безошибочно выуживая оттуда мятый образ Михалыча, показывает мне, – Пустые, словно нет никаких глаз. Говорю же, спился совсем. Ему даже маску придумали одевать, чтоб не сразу разгадать алкаша.

Не прощаясь, ухожу, не верю ни единому слову.

Сажусь в машину, долго блуждаю по тёмным, неосвещённым фонарями, улицам в поисках ближайшей церкви. В непонятной истерике тарабаню по кованым воротам, требую проводить к главному священнику. А далеко за полночь, притихший, сижу в чистенькой кухне в доме отца Федора. Рассеянно наблюдаю за пышной расторопной матушкой, что собирает на стол.

– Блаженство даруется после жизни, – отец Федор сочно прихлебывает чай, не дожидаясь, когда кипяток остынет. Хочет сказать что-то еще, но я не собираюсь слушать:

– А в этой? Что мне делать в этой, сейчас?

– Сейчас? – батюшка пожимает плечами, слегка раскачивается, делает пару шумных глотков, – Помолись, исповедуйся, а лучше женись. Все печали как рукой снимет.

Мне ничего не подходит, думаю, он сам не верит в то, что говорит, но возразить нечего, разговор окончен. Пью чай, без интереса слушаю историю о том, что в христианстве никогда не было таких отшельнических обрядов, а уже тем более практики показа отшельников детям.

Внутри у меня пусто, гулко, как в железной бочке. Не могу поверить, что все это происходит со мной. Два мира – идеальный и материальный – первый в этой жизни не познать, второй и так у моих ног. Что теперь?

Утро встречаю в придорожном кафе, злой на весь мир. С непреодолимым желанием исправить несправедливость, устранить поломку в системе мироздания. Допивая второй кофе, уже знаю как. Сам стану отшельником. Отрекись от всего. Не жалко.

Привет,

у меня звериное чутье, как у охотничьей собаки. Сегодня только вошла в здание, сразу увидела в привычной картине много-много новых штрихов: взгляды, шепот, улыбки, – мгновенно реагирую на изменения эмоциональной погоды. Выпила в фойе кофе из автомата, пешком поднялась на восьмой этаж, поздоровалась с соседями в кабинете напротив студии – всё как всегда, и всё не так. Зашла в уборную, повертелась у зеркала – тон на лице ровный, тушь не осыпалась, платье, белье, чулки – порядок. Целый день гадала – что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.